

Игорь Куницын

Макадам

Игорь Куницын

Макадам

Москва

«Воймега»

2019

УДК 821.161.1-1 Куницын
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
К91

И. Куницын

К91 Макадам / Игорь Куницын. – М.: Воймега, 2019. – 116 с.

ISBN 978-5-6042671-8-9

ISBN 978-5-6042671-8-9

© И. Куницын, текст; 2019
© «Воймега»; 2019

Посвящается маме

В зале
ожидания

* * *

Из телефона-револьвера
(два сіт-патрона)
тебе, родная, звоню из сквера
напротив дома.
Смотрю на звёзды, на наши окна —
балкона дверка
чуть приоткрыта, по телу волны
от «Кёнигсберга».
Сижу на лавке, читаю книжку —
подарок Геры —
стихи что надо, «Акадо» вышку
штурмуют ветры.
Я поднимаюсь домой в кабине
ночного лифта,
тебя целую, как на картине
Густава Климта.

* * *

Есть в каждом городе-букашке
места (зовутся пятаками),
где полумрак и целовашки
и пиво с дракой кулаками.
Где от рассвета до заката
и от заката до рассвета
струит дымок витиевато
негаснущая сигарета.
И музыка не умолкает,
не умолкают разговоры
на пятаке под облаками,
где зависаем до сих пор мы.
Где шелуха вокруг скамеек
лежит с бычками вперемешку.
Пятак — монета в пять копеек,
орёл и решка.

* * *

Пойдём гулять по Домодедово.
Заскочим в банк, потом в «Квартал».
Все наши деньги до последнего
рубля оставим там и там.
С пакетом, полным всякой всячины,
заглянем в суши-ресторан.
Наевшись роллами горячими,
мы поглядим по сторонам.
Куда ещё пойти, усталые,
мы можем в нашем городке?
На тротуарах листья палые
и привкус дыма в сквозняке.
Таксист, конечно, не откажется
от чаевых. И в этот раз
нам, как обычно, не покажется,
что жизнь проходит мимо нас.

* * *

Сяду в электричку.
Красный ноутбук
вылетит, как птичка,
из нетрезвых рук.
Я его поймаю,
положу в рюкзак.
Всё я понимаю,
я же не дурак.
Ходят контролёры,
пассажиры спят.
Угадайте город
с окончанием «ад».
Залипают кнопки
энтер и делит.
«Хочешь выпить водки?» —
ангел говорит.

* * *

Нервы, коньяк и бессонные ночи —
вот и диета моя.
Словно у Бога в руках тамагочи,
не отдыхаю ни дня.

Вот и приходится жить, уповая
на интерес и азарт,
что батарейка не сдохнет, пока я
жизни строчу реферат.

Вот и приходится пить вечерами
после еды аспирин
и по утрам засыпать со словами:
«Море волнуется — три...»

* * *

Опять сегодня между нами
произошёл какой-то сбой.
Давай не будем дураками,
а будем умными с тобой.
Построим домик над рекою,
уедем на фиг от всего.
Я на втором окне открою
и, посмотрев, скажу: «Ого,
красиво так и необычно,
почти нетронутый ландшафт.
Беседку я построю лично,
где будем пить на брудершафт,
ночами слушать электрички,
зимой дорожки расчищать,
бродить везде и по привычке
стихи друг другу посвящать».

* * *

Когда наступает осень,
в сердцах говоришь: «Ага,
давай навсегда всё бросим,
от быта уйдём в бега».

Хватаешь пальто и фотик,
в охапку берёшь жену.
Она говорит: «А зонтик?»
А ты говоришь: «Да ну,

на улице сухо, тихо,
прохладно. В такие дни
довольно неплохо, имхо,
когда мы с тобой одни

в запущенном бродим парке,
где мало всегда людей.
А дождь переждём под аркой,
где пили тогда портвейн».

* * *

Вчера, идя со станции домой,
купили плед, светильник и кино,
зашли в кафе и выпили по чаю,
болтали, никого не замечая.
Потом такси, и ужинать пора.
Очередной блокбастер Спилберга.
В финале, глядь, весь день прошёл, проехал.
И я уснул. И свет мне не помеха.
И ты уснула позже, через час.
И спали мы, друг к другу прислонясь.
Я рано встал, поехал на работу.
Какой был день? Наверное, суббота.
А может, вторник, в принципе, не важно.
Купили вещи, утолили жажду.
В кафе случайном выпили по чаю.
Люблю такие дни, по ним скучаю.

* * *

Тишины не слышно в Домодедово,
день и ночь летают самолёты
в небесах, которым и неведомо,
что у нас тут тоже есть чего-то.

Что у нас тут тоже есть какие-то
жизненные цели и желания.
Словно пассажиры перед вылетом,
мы ночуем в зале ожидания.

С книгами в руках и телефонами,
одиноким более, чем ранее,
смотрим, как лавируют за окнами,
вылавировав, авиалайнеры.

Вот и мы лавируем, лавируем,
вылавировать не можем сами.
В ипотеку взятая квартира
втридорога обошлась нам с Аней.

* * *

Между делом, а дело такое –
я пытался постигнуть иное, –
стала капать из крана вода.
Я прокладку сменил, ерунда.
Вновь задумался, глядя на стену.
Но прозрачной не стала она.
Лишь заметил монтажную пену,
чей излишек торчал из окна.
Ерунда, я подчистил излишек
и за старое взялся опять.
Начинал уже видеть и слышать
и в иные миры проникать.
Но собака моя подбежала,
погремушку в зубах принесла.
Поиграл с ней и начал сначала.
Всё сначала. Такие дела.

* * *

В комнате убраться время появилось.
С треском отодвинул от стены диван.
Пульт от телевизора, ну скажи на милость,
с пола взял потерянный, положил в карман.

Полистал страницы мятого журнала,
поднял взгляд на люстру и подумал: «Нет,
мне она не нравилась с самого начала,
мыть её не стану и платить за свет».

Отовсюду выудил всяческую всяку:
пуговицу, мелочь, ручку для письма.
И подумал горько: «Что я за писака?
К сорока не спился, не сошёл с ума.

Не разбил ни разу пепельницу в баре,
только пару рюмок и один бокал».
Под трюмо надёжно спрятался фонарик.
Что-то слишком долго я его искал.

* * *

Пьяный болельщик в шарфе
«Локомотив-Москва»
долго в карманах шарит
глупого пиджака.
Где сигареты? Нету.
Где зажигалка? Нет.
Ночь, электричка, лето,
ссадины на окне.
Кто проиграл, кто выиграл,
разницы никакой.
– Как тебя звать-то?
– Игорь.
– Едешь куда?
– Домой.

* * *

В парке деревьев макушки
спрятаны мартовской тьмой.
Молча иду из пивнушки
после работы домой.
Мимо проходит охранник.
Что ему тут охранять?
Если б обменник-обманник
мог в этом парке стоять.
Нет же – убитые листья
осенью, длинной зимой
ветви деревьев повисли.
Шёл бы охранник домой.
Дал бы усталому доку
с пивом чуть-чуть постоять,
чтобы ему ненароком
не захотелось опять
тенью прикинуться. Дома
ждут его дети, жена,
рыбки, собаки, а кроме
этого – пропасть одна.

* * *

Стоишь на крыльце с сигаретой
и с дымом глотаешь рассвет,
но той, где родился, планеты
давно уже в космосе нет.

Как будто её подменили,
пока зажигалку искал.
Пока алкоголя промилле
с тоской в облака выпускал.

Пока разминал сигарету
и взгляд поднимал от земли,
тебя развели на планету,
и джинсы ты носишь не Lee.

* * *

Со стуком падает монета.
За нею тысяча — лети.
Мы забиваем стрелку где-то
сегодня возле девяти.
В безлюдном парке на скамейке
ещё не стаявшего льда
отколем краешек. Не пейте
без закусона никогда.
В Евангелии от Марта
весна ещё не понесла.
Борей роняет троекратно
стаканчик с граммами тепла.
Намёк, что нам необходимо
отчаливать, и мы бредём
в метро, где так же нелюдимо,
как в этом парке ледяном.

* * *

Ноль восьмого ноль восьмого ноль восьмого —
время счастья быстротечного, простого.
Ни долгов больших... а мелкие не в счёт.
Возвращал меня из Сочи самолёт.

Загорелого, с подарками родне,
вёз по небу, вёз по небу, вёз по не...
Вместо волн морских синели облака,
вместо «Чёрных глаз» — взгляд бортпроводника.

Отшлифованных стекляшек и камней
берег моря, ресторанов и огней
удаляется и гаснет подо мной.
Улетаю с чемоданами домой,

полными забористым вином,
чачей, самогоном. За окном
круглым бесконечная вода.
И так далее, так далее, так да...

* * *

Что ж, вчерашнее сегодня
стало прошлым, или сном,
или снимком с полароида,
с грустью вложенным в альбом.

Что ж, сегодняшнее завтра –
неотснятое кино,
в закутах кинотеатра
не распитое вино.

Надо думать, надо думать,
чтобы с целью, а не без
кофе утренний угрюмо
выходить курить в подъезд,

перешёптыванья, ссоры,
разговоры слушать в нём,
молча стряхивая горы
пепла в лестничный проём.

* * *

Незабываемое лето,
две тысячи десятый год.
Торфяники горели где-то,
в Москве кончался кислород.

Асфальт на улицах горячих
в июле плавился, как сыр.
На недостроенную дачу
мы удирали на такси.

Употребляли много пива,
уберегаясь от жары.
И нам казалось, что с обрыва
весь мир летит в тартарары.

И, разморённые, смотрели
на расплзающийся дым,
не вылезая из постели,
питаюсь «Ролтоном» одним.

Как в приключенческом сюжете,
мы ожидали, что вот-вот
нас обнаружит на рассвете
корабль или вертолёт,

дрейфующих в туманном море,
усталых в лодке небольшой,
и нам казаться станет вскоре
всё это шуткой несмешной.

* * *

Я промок под дождём, потому что забыл
дома зонт и калоши (шучу).
Я проснулся с давлением и чашку разбил
и идти никуда не хочу.
Четверть месяца минуло ровно вчера,
середина ещё впереди.
Я проснулся в одежде, в кармане дыра,
в нём уже ничего не найти.
В гардеробе пошарил (от моли привет) —
ни калош, ни зонта, ни черта.
Я проснулся с тревогой и взял табурет...
Твоя дверь от меня заперта.
«Я собрался идти на работу. Пока!
Позвоню!» И сажусь у окна.
Я проснулся с похмелья: «А День дурака
уже был?» Но в ответ тишина.
Где же зонт этот долбаный с кнопочкой. Где?
Я не помню, что было вчера.
Ухожу без зонта по кругам на воде.
Ни Андрея со мной, ни Петра.

* * *

Мне нужен отдых настоящий,
без алкоголя и нервы,
иначе я сыграю в ящик,
увы.

Иначе будет как мечталось,
как ни крути, а жизнь — дурак,
чего хотел, чего осталось,
вот так.

* * *

Когда я прихожу домой,
усталый, хмурый и голодный,
промёрзший до костей, зимой
сугробистой и гололёдной,

стою в оттаявшем пальто
на мокром коврикe в прихожей,
мне сделать хочется глоток
цейлонского и водки тоже,

не раздеваясь, и назад
на растопашку в холодину
идти, покачиваясь, за
снегоуборочной машиной.

Как за Вергилием, за ней
от остановки к остановке
идти и думать: «Всё окей», —
пиная тетрапаковки.

* * *

Между прочим, и в прошлом году
март с опозданием пришёл в апреле.
Я ещё, помню, нашёл на льду
рубль, кажется юбилейный.
Помню, оставил его себе.
Помню, подумал ещё при этом:
«То, что приходит само в судьбе,
может быть мраком, а может — светом».
Много случилось за прошлый год
разного. Много было странно.
Снова от графика отстаёт
поезд весны, отрицать не стану.
Хочешь согреться — танцуй в буфет.
В зал ожидания — если сонный.
Только держи при себе билет,
так называемый электронный.
В тёплом вагоне к стеклу виском,
на постаревшие глядя дачи,
мчись потихонечку — всё пучком,
хоть всё и выглядит чуть иначе.

* * *

Снятся триллеры, ужасы, драмы.
Позитивные сны нечасты.
А порою не снится ни грамма,
и тогда мои мысли чисты.

Втихаря уезжаю на дачу,
ухожу на неделю в запой,
огурцы поливаю и плачу,
удобряю солёной слезой.

В этот год огурцы уродились,
прошлогоднею грустью горчат.
Трёхлитровые банки от пыли
протирая, смотрю на закат.

* * *

Снег за окнами на даче
поздней осенью кружит,
счётчик вертится, а значит,
можно жить и не тужить.

Заплатить долги по свету,
привести в порядок двор.
Этим летом, прошлым летом,
позапрошлым был я хвор.

Я не мог понять, кому я,
почему я и зачем
на земле живу, тоскую,
сочиняю, сплю и ем.

* * *

Счастье – это когда ты кому-то нужен.
Счастье – когда спецслужбами не обнаружен.
Счастье – когда пришельцами не одурачен.
Счастье – когда ты живёшь на даче.
А несчастье, Господи помоги,
это подгоревшие пироги
или скисший с курицею бульон.
Телефон звонит – «Мегафон».
Поднимаю трубку, кричу: «Ага!
Я хочу участок семнадцать га.
Я построю, Господи, стадион.
Подари мне, Господи, миллион».
Отвечает Господи: «Боже мой,
не звони мне больше, ищи другой
вариант и больше мне не звони,
извини, мне некогда, извини».

* * *

С электрички спрыгнул и в магазин
заскочил спиртное купить и сок.
На пустой заправке купил бензин,
для садовых нужд запасаясь впрок.

Притащил на дачу и сел за стол.
Собирался с рёвом по сорнякам
пробежаться триммером, а потом
на дорожку выпить свои сто грамм.

Позвонил домой, говорю: «Привет!
Покошу немножечко — и назад...»
А когда очнулся, сиял рассвет,
обнажал заросший бурьяном сад.

* * *

Я верю в инопланетян.
У них в лесу парковка.
Сосед по даче вечно пьян,
но это маскировка.
Он прилетел издалека.
Ему здесь одиноко.
Его корабль наверняка
стоит неподалёку.
В его окне мерцает свет,
не гаснет никогда.
Он ждёт сигнала много лет.
Молчит его звезда.
На крышу лезет, точно вор,
глубокой ночью, пьян.
Настраивает «Триколор»
на инопланетян.

* * *

Скошу на даче иван-чай,
начну чинить крыльцо,
за половицей невзначай
найду твоё кольцо.

Его в саду искала ты,
посмеивались над
тобой смородины кусты,
девичий виноград.

Скажу загадочно: «Привет,
не виделись давно.
А ты считала, что навек
потеряно оно.

Держи, любимая, кольцо
и больше не теряй».
Блестит как новое крыльцо.
Пойду латать сарай.

* * *

На летней даче у меня
есть цель, владеющая мной, —
фигнёй страдаю среди дня,
слежу ночами за Луной.

Измерил скорость и дугу
и время в маленьком окне
Луны, но вспомнить не могу,
зачем расчёты эти мне.

Лежу и думаю: «Зачем
мне это надо, для чего?»
Луна уходит без проблем
окна за раму моего.

Я засыпаю навсегда
и просыпаюсь всё равно,
но ливня глупая вода
разбить пытается окно.

* * *

Газон садовник бреет,
букашек не жалеет.
Чего же их жалеть,
когда пора лететь
на Марс и на Луну,
и объявлять войну
гигантской саранче,
и оставлять зарубки
на лазерном мече
и на победном кубке.
Писать домой письмо
вблизи Залива Зноя:
«Какое же дерьмо —
из тюбика спиртное».
И делать селфи со
дна кратера Бомбала —
базальтовый песок
лежит как покрывало.
От корабля вдали,
похожего на блюдце,
смотреть на Землю и
надеяться вернуться.

* * *

В Кашире дожди. Возвращаемся с дачи,
как полк, потерпевший в бою неудачу.
Спасаемся бегством. «Рассвет» и «Волна»
оставлены. Сторож грустит из окна.
Собака из будки скулит. За ворота
выходим, скользя. Непогода из дота
эфирного лупит. Спасибо, не градом.
И молнии мечет. Спасибо, не рядом.
Янтарная слива весьма перезрела,
и лук перерос в неподъёмные стрелы,
как бомба, лежит на земле кабачок,
у каждого яблока ранен бочок.
Я вряд ли когда-нибудь всё это съем.
Но дачник обязан пожертвовать всем,
вернуться в зимовник и, вытерев пот,
сварганить рагу и заблать компот.

* * *

Решили щи сварганить или
борщ, но не было капусты,
а были яблоки и были
друг к другу искренние чувства.

И соли не было в квартире,
но были сахар и корица.
Сварили суп из яблок или
не суп, но тоже пригодится.

По каменным
ступеням

* * *

Он месяцы пьёт, он сиренево-синий...

А. Павловская

Мешки под глазами и в горле першит:
он, как говорится, недавно зашит —
стаканчик пластмассовый сквозь
на мир поглядеть довелось.

На даче рыбачит, сажает горох,
ложится не поздно, не рано.
Закурит устало и выдохнет: «Хох», —
и чаю махнёт из стакана.

Десяток абзацев прочтёт не спеша.
На фразе: «Поручик внезапно...» —
уснёт и не видит во сне ни шиша,
не слышит тяжёлого храпа.

И падает книга со скользкой груди,
открыта на первой странице,
где весь ещё только сюжет впереди,
где всё ещё может присниться.

* * *

Я живу в провинции,
мой сосед — пилот.
Чем же провинился я,
пьяница и мот,

что не в мегаполисе
нахожусь, а тут,
как варяг на Родосе,
сосланный за бунт.

Пролетит над крышами
добрый самолёт,
над моими виршами
крыльями махнёт.

Возле лифта выкурю
пару сигарет.
Сделает мне выговор,
выглянув, сосед.

Посмотрю задумчиво
на половичок,
из-под шпрот замучаю
в баночке бычок.

* * *

Не все получаются строки,
летит половина в утиль.
Но жизнь преподносит уроки.
Меняются мысли и стиль.

Строка, от которой ты в прошлом
отрёкся и бросил в ведро,
вернулась с тяжёлою ношей,
и вновь заскрипело перо.

Вернулась тебе бумерангом,
ошибками детскими в лоб.
Страницами слиплась бумага,
ребёнка не выплеснуть чтоб.

Всё стало намного сложнее,
страшнее, и ночью без сна
ты, рифму найти не умея,
в подъезде смолишь из окна.

* * *

Пишу для себя. Для кого же
ещё беспробудно писать?
Для тех полусонных прохожих,
идущих работать опять?

Тому, кто ещё не проснулся,
но верит напрасно, что он
на кухне с замедленным пульсом
пьёт кофе и режет батон?

Тому, кто все ночи в квартире,
завёрнутый в плюшевый плед,
зевая всё громче и шире,
готовится встретить рассвет?

Тому, кто живёт, ожидая
чего-то такого, тому
пишу беспробудно, когда я
окно раскрываю во тьму?

* * *

Полдень понедельника, смена декораций:
бутафорский замок, дама и король,
милый Гильденстерн, нежный Розенкранц,
добрый алкоголь.

Лета вид осенний, яблочные тени,
а вчера всё синим было, точно дым.
Кто тебя придумал, Гильденстерн, мой гений?
А тебя кто сделал, Розенкранц, тупым?

Мы уже немало отмахали оба.
Запах тухлой рыбы усмиряет плоть.
Нами управляет важная особа.
Драматург от Бога или сам Господь.

Светом озаряется, чисто по сюжету,
место преступления — кровь под фонарём.
Розенкранц, для шутки брось ещё монету.
Да какие шутки, Гильденстерн. Орёл.

* * *

Справа стопка книжек, слева тоже стопка.
В правой стопке мысли, в левой стопке водка.
Пью и заедаю строчками чужими.
А какое хобби у тебя, скажи мне?

Иногда бывает, сидя у экрана,
созерцаю стены через грань стакана,
выцветшие шторы, потому что знаю
наизусть все фильмы и не забываю.

Изучаю пятна потолка, как схему
метрополитена, или теорему,
или карту мира, или место клада,
или план побега. Побелить бы надо.

* * *

И грубо подчёркнуты губы.
Признаюсь, строка не моя.
«И грубы, подчёркнуто грубы».
Теперь узнаете ея?
Во время распития виски,
листая «Москва – Петушки»,
её я нечаянно свистнул,
в свои помещая стишки.
Прибавил к словам этим после
признание в том, что, скорей
всего, мне понравилась просто
загадочность громкая в ней,
что сильно меня оглушила,
и, дабы её разрешить,
душонка моя согрешила,
но к делу сие не пришить.

* * *

Я Лит не закончил, хватило ума
до третьего курса.
В шкафу недочитанный Гаргантюа
и «Очерки бурсы».
Подлиповцы тонут со стоном в снегу
и в матушке Волге.
Я Лит не закончил и вряд ли смогу.
Пленительный Волгин
меня не заманит на свой семинар,
и Рейн не заманит.
Набокова недопрочитанный «Дар»
скучает в серванте.
Тоскуя, Сервантес глядит на меня,
и Данте, тоскуя,
глядит на меня и не может понять,
какого же куя
я Лит не закончил, и даже Гомер,
помянутый всеу,
глядит на меня из серванта, чрезмерно
тоскуя.

* * *

поток сознания у Джойса
мне музыка мешает я пишу
не хочешь жить пожалуйста уволься
займись ушу
дебильный тренер (опыт извините)
ключи от раздевалки кинет в нос
учитесь в МГУ а лучше в Лите
дешевле в гос
чем в десять тысяч нафиг факультетов
экономист психолог программист
у Джойса было кое-что про это
а может не было мне пофиг я дантист

* * *

Зима приходит обычно ночью,
шлёт телеграммы —
«Прибуду точно, малярным скотчем
заклейте рамы».
Жить по старинке, кого ни спросишь,
никто не помнит,
как клеить окна, в ответ: «Ты гонишь!»
и «Экономит!»
Зима прибудет, сегодня мира
предстанет мера,
в кругу торшера цеди Шекспира,
живи Гомера.
Зима нагрет, заглянет в очи
окна, конечно,
обычно ночью, обычно точно,
обычно вечно.

* * *

Москва предновогодняя,
на шее мишура.
Зачем прочёл сегодня я
стихи певца Шнура.

Петарды рвутся в сумерках.
Он всюду видит мглу.
А мне рисует Суриков
морозом по стеклу.

России очертания
стираются, растут.
Убей, не понимаю я,
в чём сила, брат мой Брут.

Кружат снежинки ватные
над снежным городком.
Зимы дыханье мятное
лежит под языком.

* * *

Стихи не пишутся – случаются.
Нет, не случаются, а пишутся.
Короче, как-то получаются.
Возьмём для рифмы вирши Лифшица,

свершившегося Джеймса Клиффорда
и «Отступление в Арденнах»,
воспламенившийся шнур бикфордов,
или бикфóрдов, вдохновенно.

Не на поэта, а на скульптора,
каррарским мрамором владея,
похож поэт, всё некультурное
отсекший, высветив идею

с достоинством. Спасибо греческим
богам – Зевесу, Аполлону.
Кто одержим стихами, лечится
слезами одухотворённо.

* * *

Брахмапутра — гиблая река.
Мало кто обратно возвращался,
возжелав узнать, как велика
Брахмапутра, хоть и обещался.

Хоть и лодка крепкая была,
безрассудства смелого немало
и надёжней горного стекла
вера смельчака оберегала.

Но туман ущелий умерял
гордость человека, и теченье
шкомытало лодки матерьял,
и она хрустела, как печенье.

Человек, почуявший беду,
выходил на берег обречённо.
Я с тобой, поэзия, веду
разговор, мучительнее в чём-то.

Берега тревожные твои
прячут в чащах мстительных чудовищ,
ночи одиночества и дни
вместо обещаемых сокровищ.

Кладоискатель

Он жил на то, что находил.
И ел, и пил, и спал.
Сгребал песок, ворочал ил
и доставал металл:

монеты, перстни, ордена
и кабелей куски.
Перекурить, глотнуть вина
любил в часы тоски.

Он не женился и детей
не думал заводить.
Считал важнейшей из идей —
искать и находить.

И был обут, и был одет,
и одинок, и сыт.
Я говорил: «Да ты поэт,
счастливый сукин сын!»

Он на меня смотрел в упор
и повторял одно:
«Я проникал в пещеры гор
и на морское дно.

Спускался в трюмы мертвецов
и, алчный пилигрим,
завладевал в конце концов
сокровищем своим».

Он говорил, я наливал,
чернела ночь в окне,
и золотой луны овал
в лицо смеялся мне.

Кюхля

В тёплом воздухе вечернем
колдовала тишина.
Оторвался я от чтения,
сел у тёмного окна.
На дороге тень худая
долго целится, и – щёлк –
вновь осечка. Тень, рыдая,
воскликает: «Порох смок!»
На коне в султানে белом
онемевший генерал
через миг, ощупав тело,
прочь от тени поскакал.
Та, шатаясь, повторяет:
«Это всё судьба, судьба
за меня легко решает,
что мне делать и когда...»
Батарея бьёт картечью,
дребезжит моё окно,
с потолка летит на плечи
снег. По-прежнему темно.

* * *

Меня удивляли немногие
уменьем брэнчать на гитаре,
и вот оказался в дороге я,
в хмельном догорая угаре.

Я кутался, прятался, путался
в пальто, в остановок названиях,
в неврозах, в пожизненных глупостях,
в холодных вагонов качаниях.

И вдруг в Бирюлёво-Товарная
небритый зашёл с перепоя
двойник мой и песня гитарная
возникла, меня беспокоя.

Простое, весьма тривиальное
звучало, немногими понято,
в ней что-то такое печальное
и что-то такое какое-то.

* * *

Что делать, если делать нечего?
Сейчас я перечислю все
дела свои до бесконечного,
представлю их во всей красе.
В начале дня я просыпаюсь.
Бывает, в пять, бывает, в семь.
Плохая рифма «умываюсь».
Я по утрам как рыба нем.
Плыву, как сом, на электричку.
Сегодня взял с собой коньяк,
но эту глупую привычку
я скоро брошу, как-то так.
Потом работаю, работа
порой спасает, а порой
доводит личность до потопы,
а раз потоп, то рифма «Ной».
Но я отвлекся, где-то в девять
я еду вечером назад
и Тютчева читаю «Лебедь»
и Волоса «Хуррамабад».

* * *

Шум ливня и бури бряцанье,
дождя молоточки в окне
роднее строительной брани,
которая слышится мне.

Дороже чудовищной дрели,
которой дырявит сосед
бетонные стены. И двери
вставляет туда, где их нет.

Шурупы роняет до ночи,
и режет ножом пенопласт,
и ловко орудует скотчем,
чей треск раздаётся сейчас.

Деревьев полуденный шелест
и птиц дворовая возня —
ремонт на вечную вечность
отобраны вы у меня.

Про вас безмятежно писали
поэты прошедших времён
стихи при свечах без печали,
с которой сей век обручён.

* * *

Без корабля и без компáса
в отчаянии битый час
прилива жду, и мне ужасно
напиться хочется сейчас.

Когда бы было под рукою
такое средство у меня,
я в состоянии покоя
провёл бы весь остаток дня.

И превратилась бы погода
ненастная в один глоток
поэзии иного рода...
Но выпить нечего, браток.

* * *

Когда тоскую по стихам,
своим и не своим,
шепчу истошно: «Мандельштам,
давай поговорим

про вереницы кораблей
и пеной по губам...»
Негромко жил среди людей
хрустальный Мандельштам.

По скользким улицам ходил,
вороний слушал грай.
«О том, что было впереди,
поговорим давай...»

* * *

А. П.

Я читаю «Дон Кихота».
Сам я вряд ли Дон Кихот.
У меня семья, работа
и полно других забот.
Это днём, а ночью снится,
что скачу я на коне,
начинает сердце биться
громко так, что слышно мне.
Атакую мельниц крылья,
а из них течёт смола.
Конь уже свалился в мыле
и копьё напололам.
Поднят на смех пастухами
и погонщиками, я
бью чудовищ кулаками,
без коня и без копья.
Даже верный Санчо Панса
смотрит с грустью на меня.
Я упал и вновь поднялся
и дурацкий шлем поднял.
Может, тоже засмеяться
надо всеми одному?
Дать волшебного лекарства
Росинанту — и во тьму...

* * *

Снискал он славу,
бренча Таганку,
танцюя Клаву,
официантку.

Торчит ночами
в дешёвом баре,
двумя руками
прилип к гитаре.

Забыли имя
его с годами,
зовут любыми
его словами.

Он сам не помнит,
как величали,
извечно тонет
в своей печали.

* * *

Мне надо быть сегодня там,
где я вчера назначил встречу
со звонарём из Нотр-Дам,
в пустынном нефе поперечном.
Он приведёт меня туда,
где философский камень прячет
поникший, точно череда,
архидиакон в келье мрачной.
От колокольной речи глух
и нем для речи монотонной,
как филин ухаает он. Ух,
Святая Анна и Мадонна.
Бегут мурашки по спине.
Идём по каменным ступеням,
маячит в башенном окне
священник или привиденье.
Не видно хищного лица,
но комната полуоткрыта.
Горсть серебра, щепоть свинца,
просеянные через сито,
лежат на чашечках весов,
годятся только для продажи
без магии конкретных слов.
Горбун их знает, но не скажет.

* * *

покуда в орошаемой долине
с шести сторон бесчисленной водой
ещё висит один хотя бы финик
мы будем обеспечены едой
и крышей крытой листьями от пальмы
как в том кино где Броснан Пирс стоит
на берегу в объятых Хайек Сальмы
чудовишно богат и знаменит
покуда солнца жалюзи морские
сквозь проникают тёплые лучи
мы как шатёр кочевничий раскинем
ишлибедир до пенсии в ночи
где И упало в пальмовую рощу
и роща стала вещью не в себе
короче там короче там короче
где А и Б играли на трубе

* * *

Мы вечно Бога отдаляем —
изобретём чего-нибудь,
напишем или изваяем,
пройдём непроходимый путь,

и Он на три-четыре клетки
отодвигается и ждёт,
когда слонами гений редкий
пойдёт безудержно вперёд.

Доска закончится, и хмурый
Господь-гроссмейстер, так сказать,
смахнёт задумчиво фигуры,
чтоб с новой партии начать.

И ничего не остаётся,
как проигравшей стороне
ждать новых Баха или Босха,
ещё кого-нибудь извне.

* * *

Был ли Шекспир женщиной?
Существовал ли Шекспир на самом деле?

Из газет

Была ли женщина Шекспиром?
Пила ли женщина, курила?
Была ли замужем она?
И в чём вообще её вина?
А был ли женщиной Шекспир?
Как посещала, интересно,
Шекспир общественный сортир?
Что говорит об этом пресса?
Давайте спросим самого
Шекспира – почитаем пьесу.
Но там об этом ничего.
Там лес проблем. Проблема леса!
От шпаг, кинжалов и вина
все погибают. Если честно,
Шекспир не женщина, она,
боюсь подумать, – поэтесса!
А не поэт, как думал мир.
И вновь сенсация для мира:
Шекспира звали не Шекспир,
Шекспир – фамилия Шекспира.

* * *

Как город глотает задворки,
окраины топчет свои,
всю местность от корки до корки
прочту, затевая бои.

И нет никакой передышки,
не будет привала в пути,
мне некогда дуться в картишки
и нечего ставить почти.

Я рою окопы и строю
на всех рубежах блиндажи.
Победа за этой горою.
А что за победой, скажи?

* * *

Г. П.

1

Ты говоришь по-итальянски,
о Рим, о Рим,
о том, что этот день февральский
неповторим.
На барном столике холодный
с лимоном чай.
Зима за дверью, безусловно,
родит печаль.
Беседа тихая, как лодка,
идёт едва.
Снаружи ждёт нас что угодно,
но не Москва.
Пальто наденем и посмотрим,
как во дворе
катаются со снежной горки
Ромул и Рем.

2

Скажу тебе по-итальянски: «О Рим, о Рим!» Затем
что этот день февральский неповторим. Недаром
пицца на подносе принесена и заменён паролем
«осень» пароль «весна». Ты отвечаешь: «Барсе-
лона». Даёшь на чай. Зима за дверью, безусловно,
родит печаль. Ещё Венеция, Болонья — твои слова.
Снаружи было что угодно, но не Москва.

* * *

Записаться в спортзал и уйти на неделю в запой.
Пой мне, ласточка, пой... Да какого мне фи́га всё это.
Вдену острую нитку в иголку дрожащей рукой...
Здесь нужна гениальная строчка, но только не эта.
«Тишины», – говорю, потому что устал от ла-ла.
Я неделю не сплю, и болят оголённые нервы.
Я гляжу пауком из сырого, как плесень, угла,
аксолотлем безбровым, ослепшим от водки Гомером
на изрытый асфальт, потемневший от ливня песок,
на рабочего в синем с тяжёлой от глины лопатой,
я гляжу с восхищеньем, из носа гранатовый сок
заливает халат. А куда мне, скажи, без халата?

Личный архив

* * *

Я забываю многое.
Порою помню лишь
о том, что Богу – Богово,
а человеку – шиш.

А если так неправильно,
то ты поправь меня.
Я вырос на Варавино.
Такая вот фигня.

* * *

Сигареты, пиво, FIFA-17.
Я устал и просто хочу размяться.
Пару банок «Лацио», «Спартаку»,
пока я ещё не совсем ку-ку.

Пару банок кинуть в свои ворота,
потому что трезвым быть неохота.
А охота чисто забить в девятку,
угодить мячом Роналдиньо в пятку.

Вот такие мысли, такие строки.
Вот такие строки, такие муки.
По FIFA бесплатно даю уроки.
А как жить, не знаю. Забили, суки.

* * *

Скучно играть в плейстейшн,
скучно смотреть кино.
Весело быть успешным
и знаменитым, но

это не всем подходит.
Я человек такой,
что по своей природе
больше ценю покой.

Утром – горячий кофе,
днём – ледяной коньяк.
Житель Йокнапатофы,
въехавший в особняк,

взгляд упираю в стены.
Там, за стенами, мир
страсти, любви, измены.
Вильям кругом Шекспир.

Знал я того Шекспира
«Гамлета» наизусть
на языке кумира.
В этом-то вся и грусть.

* * *

Покурю под окном кабинета,
может, что и придумаю, скажем,
затушу о трубу сигарету
и подаренный «Хеннеси» вмажу.
И на этом, пожалуй, закончу
эту нудную, долгую смену,
соберусь и уеду, а впрочем,
затушу сигарету о стену,
словно что-нибудь это изменит,
вместо «Хеннеси» – спитого чаю,
вместо музыки, вместо сирени...
Я от жизни такой одичаю
в духоте своего кабинета,
опустив жалюзи, бестолково
в коньяке затушу сигарету,
ничего не придумав другого.

* * *

Грохочет ливень по карнизу,
сквозняк заходится от свиста,
а ты ушёл весь в телевизор
и превратился в футболиста.

Но даже здесь, на поле крытом,
тебя преследуют проблемы:
задолженности по кредитам,
в самопознании пробелы.

Ты говоришь: «Ещё немного,
и будет гол». В пылу азарта
заношишь для удара ногу,
весь доведённый до инфаркта.

Орёшь как бешеный с дивана:
«Пасуй, мудака, тому гандону...»
А за окном деревья рьяно
болеют в помощь стадиону.

Волну пускают за волною
и не расходятся упрямо.
Чего же я как баба ною.
Простите, женщины, как дама.

* * *

Хорошо танцует Тимберлейк,
словно шило в заднице танцует.
Невообразимый человек!
А у нас есть пианист Мацуев.
Не танцует парень, не поёт.
Но зато как чешет на рояле!
Кто музыку любит, тот поймёт.
Кто не любит музыку – едва ли.
Я, к примеру, с музыкой на вы.
Танцевать почти что не умею.
Даже когда выпимши, увы,
я похож на злого ротозея.
Просто наблюдаю за людьми,
и за мною кто-то наблюдает,
и за этим кто-то, чёрт возьми,
кто-то смотрит пристально, когда я
нагло вру начальнику, что в ДЭЗ
забежать пришлось перед работой,
опоздал поэтому, с небес
льётся свет, и грустно отчего-то.

* * *

Повторял без умолку: «Я — не я».
Это чушь похмельная, не моя.
Молча скатимся с детской горки
на совочки да на ведёрки.
Отряхнём штанишки: «Машинка чья?»
Шахматист из парка кричит: «Ничья!»
Подберём, покатаем, бросим.
Под дебилов всё время косим.
Отдохнём в тенёчке, и я потом
поиграю чёрными с тем шутом,
в миттельшпиле поставив мат.
Я в теории слабоват.
Я скорее практик, твою етить.
Переходим в эндшпиль — садимся пить,
ни о чём не думая, ни о ком,
где сиренью пахнет и шашлыком.

* * *

И о погоде — падал мокрый снег.
Не в декабре, не в шуточном апреле.
Кружился днём, просился на ночлег
в июньский вечер. Тут он и доселе.
Он не даёт выгуливать собак,
а я собак выгуливать обязан
из чувства долга или просто так,
из-за любви, под долговязым вязом,
под липкой липой. Градом с виноград
бессовестно сегодня атакован.
И о природе — яблоневый сад
является и кровлею и кровом,
где, кронами закрыт со всех сторон,
разглядываешь мира фотоснимок
с воронкой Крыма, с карканьем ворон,
с холодным летом, с хлюпаньем ботинок.

* * *

Мы с отцом пошли покупать манки —
он на уток, я на иную дичь.
Продавец продал, как скормил с руки,
мне манок ценой в золотой кирпич.

Дорогой манок я держу в руке
на свою судьбу и ношу с собой.
А отец ушёл навсегда к реке
со своим манком за своей судьбой.

Иногда я слышу его шаги,
плеск воды в танцующих камышах.
С берегов, наматывая круги,
удирают утки за взмахом взмах.

* * *

Я тоже сторожем работал,
когда закончил институт,
и говорил знакомым: «То-то,
вы там, а я, представьте, тут.
Вы в накрахмаленных халатах,
я в форме, мятой от тахты,
вам платят белые зарплаты,
вам дарят свежие цветы,
вам шоколадные конфеты,
аперитивы и духи,
а мне в налоговой рассветы
встречать и сочинять стихи.
И ждать, когда же наконец-то
из будки я сторожевой
шагну навстречу неизвестно
чему, неправильный такой».

* * *

Гигабайты событий, слова и слова,
фотографии, видео в личном архиве:
это лес, это небо, а это трава,
это Сочи, красивая яхта в заливе.
Это Питер – Нева, пародирую мост
белой ночью и «Невское» пиво глотаю.
Это просто Москва, я заснят в полный рост
в парке Горького, сзади утиная стая.
Фотография в поезде – я у окна,
вид мечтательный пойман отнюдь не случайно,
по дороге в Свердловск я напился вина
и стишок сочинил, не припомню начала.
Это видео Крыма: я типа приплыл –
на тускнеющий берег с трудом выползаю
и смеюсь, эту роль я тогда провалил.
Дальше текстовый файл пробегаю глазами –
пара-тройка рассказов, дурацких вполне,
остальное – стихи, но о них ни полслова,
только кратко замечу, они о стране,
где я вырос, и климате местном суровом
на равнине, где некогда был океан,
но иссяк, за собой оставляя озёра,
цепи гор и в степях за курганом курган,
и от них ничего не останется скоро.

* * *

Я был пионером, но не был.
Учился как все, но не так.
Ночами горячего хлеба
у булочной ждал, как дурак.
В ноль-ноль приезжала машина,
в ноль-пять я его покупал,
в ноль-десять домой с половиной
батона придя, засыпал.
Но так продолжалось недолго,
ну, год, может, два, может, три.
Впадает в Каспийское Волга,
становится морем внутри.

* * *

Д. Зуеву

Я пьян, прости меня, ни строчки
не выдам, и свинья не съест.
Никто с дошедшего до точки
не станет требовать чудес.

Не станет шарить по карманам,
искать заветный кошелёк.
Мне раньше нравилась «Нирвана».
Я был культурно недалёк.

Ещё мне нравилась «Алиса»
и «Чёрный кофе» я любил.
Ты мне сегодня ночью снился.
Мы пили, падая без сил.

Ты — с табуретки, я — с дивана,
но, полумёртвые, с утра
мы снова слушали «Нирвану»,
студенты-медики, болваны.
Пора на лекцию, пора!

* * *

Сквозь асфальт, решётку сквозь
деревце пробилось,
искривилось, как пришлось, —
так судьба сложилась.

Трудно деревце растёт,
об одном мечтает:
что однажды зацветёт,
заблагоухает.

Так случилось, так пришлось.
Что же делать, коли
места лучше не нашлось,
как статисту роли.

Невезучей, чем оно,
нет деревьев рядом.
Жить пытается одно,
потому что надо.

* * *

Был вечер пасмурный, носило
опавший лист по мостовой.
Какая муха укусила
его, ужалил шмель какой?
Он тоже нервами болеет,
и депрессует, и хандрит,
и через миг в сырой аллее
взорвётся, словно динамит?
Ворон уронит чернокрылых
и серокрылых голубей
в ту желчь, что осень накопила
за девяносто с гаком дней.
Он тоже падает устало
на макадам, как индивид
на скомканное покрывало,
немолодой уже на вид,
что мало верит, в самом деле,
в происходящее вокруг,
встаёт, измученный, с постели
и выпускает лист из рук.
Автоматически находит
синонимы: печаль, вельтшмерц,
уныние сродни погоде.
В России за полночь.
Конец.

* * *

Так и хочется броситься в снег.
Но прохожие вряд ли поймут.
Лишь подумают: «Пьян человек,
ничего не поделаешь тут».

Мокрый снег прилипает к словам,
и слова упадают вослед.
Ничего не поделаешь там,
где нас нет.

А поэтому, бросив рюкзак,
как ракета по улице мчись
сквозь бездушное «пьяный дурак»
в безвоздушное, звёздное, ввысь.

* * *

Заведение «Пилзнер»
стоит на пути.
Повинуясь капризу,
как в него не зайти.

Ну а если, а если
заглянул в ресторан,
как не выпить и песни
не послушать цыган.

И не крикнуть: «Извозчик!» —
на бровях выходя,
не поехать на тощих
по Москве лошадях.

Сигануть у ночного
фонаря на ходу.
Как не сделать такого
в алкогольном бреду.

Добредя до порога
своей конуры,
как не вспомнить про Бога,
что берёт до поры.

* * *

На пороге зима.
Я зимой начинаю
не сбегать от ума,
но сходить неуклонно до мая.
Если вырубить свет
в целом доме во время метели,
то родится поэт,
а не мент, как бы вы ни хотели.
Настоящий Pilot —
это вам не какой-нибудь Parker.
Чуть зима настаёт,
и каток открывается в парке.
На границе катка,
перед тем как в коньки облачиться,
угадай, чья рука
тебя стукнет слегка по ключице.
Оглянуться пока
не спеши торопиться
на границе катка,
за границей.

* * *

Снова осень, что тут скажешь.
Всё сказали до меня.
Все составили коллажи
до сегодняшнего дня.

Написали все картины,
рассудили мудрецы,
станцевали балерины,
в воду бросили концы.

Но такого неба в лужах,
как на улице моей,
я, пардон, не обнаружил
ни в одной из повестей.

Как бы ветры ни качали
деревя ночами в них,
нет грустнее, и печальней,
и осенней строк моих.

* * *

Не одному тебе не спится.
И я не сплю в своих квадратах.
Когда-то было нам по тридцать,
по двадцать было нам когда-то.
Теперь грустим среди ковров,
и плитусов, и ламината.
Делить добытое без слов
умели весело когда-то.
Вино, и девушек, и деньги.
Мы просыпались без труда
на лавках или на ступеньках,
а на матрасах иногда.
И повторяли: «Никогда
мы не расстанемся – два брата».
Стекала пива борода
на игровые автоматы.
Однажды сорванный джек-пот
ушёл, куда не знаем сами.
Крутились задом наперёд
земля и небо с облаками.

* * *

Каждый день по строчке или
по абзацу, по строфе.
Как-то раз мы с другом пили
пиво тёмное в кафе.

Он приехал на неделю
ради грешного меня.
Говорили, песни пели,
куролесили три дня.

Он сказал такую штуку,
о которой промолчу,
свысока пожал мне руку,
стукнул больно по плечу.

На вокзале мне, признаться,
было очень тяжело,
оскорблённо улыбаться
сквозь вагонное стекло.

* * *

Отец любил крыжовник,
с куста горстями ел,
и, как замороженный,
я на него глядел.
Я нёс ему черешню,
ему я вишню нёс.
Он брал их и потешно
весёлый морщил нос.
И сыпал аккуратно
в карманы шорт моих
горсть ягод полосатых,
колючих и смешных.
И, как замороженный,
он на меня глядел,
когда его крыжовник
я, морщась, кислый ел.

* * *

Февраля двадцать четвёртое.
На столе стоит рассол.
У рассола жизнь короткая,
если он попал на стол.
Есть философы, которым
важно знать, в конце концов,
есть ли рай для помидоров
или ад для огурцов.
От числа двадцать четвёртого
до последнего числа
не живые и не мёртвые
не отходят от стола.
Напряжённо водят скулами,
кулаками воздух бьют
и о чём-то мрачно думают,
создавая неуют.

* * *

Мечта купить велосипед
так и останется мечтой,
не потому что в жизни нет
необходимости такой,

а потому что был другим
я там, где более всего
мне велик был необходим
со всеми спицами его.

Велосипедные ключи
я находил, и стал весом
сей клад с нетронутым почти
велосипедным колесом.

Лежат среди других вещей
на даче, будучи мечтой
они несбывшейся моей,
воспоминаньем жизни той.

* * *

Сколько раз бежал на поезд,
жизнь бросая в чемодан,
впечатлений хоть на повесть,
хоть на маленький роман.

Сувениров на магнитах
сколько понапривозил.
В орденах стоит убитый
холодильник марки «Зил».

Ледяного сердца грохот
раздавался много лет.
Пиво в банках трёхлитровых
в нём ещё морозил дед.

А теперь стоит на даче
«Зил» со всяким барахлом.
Как помотришь, так заплачешь.
Дверь откроешь — в горле ком.

Бесплатное кино

1

В кафе холодном на вокзале
у ног поставлю чемодан.
Я еду в гости к тётке Гале.
Мне на неделю отпуск дан.

Стою на тающем перроне
как часовой, занявший пост.
Я еду в гости к тётке Томе
в далёкий Троицко-Печорск.

Я еду в гости к тётке Риме,
лежу на полке боковой.
Когда все были молодыми,
я был примерно вот такой...

Ботинки, белые от соли,
салфеткой тщательно протру.
Я еду в гости к тётке Толе
и прибываю поутру.

Отец меня уж не похвалит,
но я мечтаю с давних пор
сперва заехать к тётке Вале,
к его любимой из сестёр.

2

Она была механиком кино.
Я мог в кинотеатре бесплатно
смотреть в окно на кинополотно
в наушниках, больших невероятно.
А тётё было некогда, она
не замечала кинополотна –
то заменяла плёнку торопливо,
то, на проектор глядя, терпеливо
следила, чтобы вдруг не прекращалось
лишь для меня бесплатное кино.
А мне смеяться громко запрещалось,
но тихо было не запрещено.

* * *

Стою с пластмассовым наганом.
Над головой, как паруса
круизного катамарана,
родительские голоса.

Они несут меня, как знамя —
непобедимый батальон.
Как облака над парусами,
парю, в родителей влюблён.

Кораблик маленький с большими
фрегатами в одном строю,
подаренным за смелость ими
наганом щёлкая, стою.

* * *

похвастаться могу не изменил ни разу
ни другу ни жене ни брату ни отцу
ни матери хотя разбил однажды вазу
за что и получил ладонью по лицу
сначала оробел потом нашёл защиту
отец меня закрыл подставил щёку брат
жена сказала нет и друг промолвил квиты
и я с тех пор во всём пред всеми виноват

* * *

Мне снилось, что я вернулся
домой после долгих лет
отлучки, отчислен с курса,
без денег и сигарет.

Без радости и без грусти
приехал, легко одет.
Архангельск, прости, проснусь я
и вспомню, что дома нет.

* * *

На рисунке моём,
пригвождённом к стене,
ледорез, ледолом,
ледоход на Двине.

Между мной и стеной
лёд трещит всё сильнее.
Я расстался с Двиной
и тоскую по ней.

Наслаждаюсь пока
я другою рекой,
и плывут облака
над Окой.

* * *

В Первомай кружился снег
белою овечкой
над Архангельском, где мне
жизнь казалась вечной.

Я любил её такой,
бесконечно снежной,
и была она со мной
бесконечно нежной.

Я ходил на ледоход
любоваться в мае,
за спиной неслись вперёд
звонкие трамваи.

Был со мною город мил,
был и я спокоен,
встал на льдину и уплыл
очень далеко я.

* * *

постучу костяшками пальцев в грудь
говорят что внутри душа
и она ответит да тут я тут
в темноте сию без гроша

и покамест я не оглохла эй
постучи по дурной башке
говорят что ум обитает в ней
от безумья в одном вершке

ну куда ещё постучать скажи
ты же видишь меня насквозь
хоть мечи как в цирке в меня ножи
никогда мы не будем врозь

серебром столовым в меня кидай
я могу запулить в ответ
я ведь тоже чокнутый так и знай
потому что и я поэт

* * *

я купил билет на последний то есть
самолёт автобус паром на совесть
на пароме доски прибиты к полу
я подумал в виски вливая колу
а когда косыми глазами берег
я в обед увидел добавив перед
то ответил кэпу на все вопросы
лишь один вопрос до сих пор стоит
почему не бросили в штиль матросы
меня за борт пьяные там где кит
капитан ответил что я дурак
что меня не бросили просто так
у ребят то карты то сон то ром
им неважно штиль за бортом иль шторм
им неважно кто ты куда плывёшь
ты же русский правильно коткин ёж
значит тоже в принципе что они
без любви без родины без родни

* * *

До сих пор не разряжена ёлка.
Непонятно, зачем табурет
в центре комнаты держит так долго
на себе этот странный предмет.
Воспаляются нервы от света
на макушке горячей звезды.
Начинает казаться, что это
сумасшествие чистой воды.
Можно выключить, но невозможно —
под гипнозом гирлянды цветной
на кровати сажу осторожно
и к стене прижимаюсь спиной.
И качаюсь, как кресло-качалка,
и смеюсь, и кручу головой
или плачу, а всё-таки жалко
убирать тебя, ёлочка, стой.

* * *

Птица в клетке заставляет
верить в чудо, песни петь.
Выхожу из-за стола я,
открываю птичью клеть.

Вылетает птица с криком
и садится на карниз.
Птица к воле не привыкла
и со страхом смотрит вниз.

Успокоить как, не знаю.
Перья стряхиваю с плеч.
Бесполезная такая
человеческая речь.

* * *

Есть у меня еженедельник.
Я в нём записываю рифмы.
Допустим, ельник – понедельник.
Допустим, недостаток лимфы.

Допустим, недостаток веры.
Доверия переизбыток.
Возможно, это просто нервы.
Клубок запутавшихся ниток.

* * *

На даче нужно ставить новый
заместо старого забор.
Непроходимый, двухметровый,
чтоб заглушить соседский ор.

И чтоб не видели соседи,
как я иду спросонья в душ,
как в надувном плову бассейне,
порядком похмелившись уж.

Как я лежу в траве у дома,
под голову пятерня,
пока мучительная дрёма
не наплывает на меня.

И чтобы сны мои в постели
из одуванчиковых глаз
они подсматривать не смели
и не стреляли «Голуаз».

* * *

Уже свечерело, а снег всё лежит,
растаять не может.
Под окнами курит нетрезвый мужик
с небритой рожей.
Снежинки спадают ему на башку
с безлюдного неба.
Окошко открою и в шутку спрошу:
«Закуски не треба?»
Мужик удивлённо поднимет глаза,
согласно опустит.
Во-первых, мы выпьем немедленно за
отсутствие грусти.
А после покатаются тост за тостом,
как снежные комья.
Напьемся как черти, и это притом,
что с ним не знаком я.
Мы так и расстанемся, именно так,
вот так — по-простому.
Он мне на прощанье опять про «Спартак»,
а я — про Ерёму.

Содержание

В зале ожидания

«Из телефона-револьвера...»	7
«Есть в каждом городе-букашке...»	8
«Пойдём гулять по Домодедово...»	9
«Сяду в электричку...»	10
«Нервы, коньяк и бессонные ночи...»	11
«Опять сегодня между нами...»	12
«Когда наступает осень...»	13
«Вчера, идя со станции домой...»	14
«Тишины не слышно в Домодедово...»	15
«Между делом, а дело такое...»	16
«В комнате убраться время появилось...»	17
«Пьяный болельщик в шарфе...»	18
«В парке деревьев макушки...»	19
«Стоишь на крыльце с сигаретой...»	20
«Со стуком падает монета...»	21
«Ноль восьмого ноль восьмого ноль восьмого...»	22
«Что ж, вчерашнее сегодня...»	23
«Незабываемое лето...»	24
«Я промок под дождём, потому что забыл...»	25
«Мне нужен отдых настоящий...»	26
«Когда я прихожу домой...»	27
«Между прочим, и в прошлом году...»	28
«Сняты триллеры, ужасы, драмы...»	29
«Снег за окнами на даче...»	30
«Счастье — это когда ты кому-то нужен...»	31
«С электрички прыгнул и в магазин...»	32
«Я верю в инопланетян...»	33
«Скошу на даче иван-чай...»	34
«На летней даче у меня...»	35
«Газон садовник бреет...»	36
«В Кашире дожди. Возвращаемся с дачи...»	37
«Решили щи сварганить или...»	38

По каменным ступеням

«Мешки под глазами и в горле першит...»	41
«Я живу в провинции...»	42
«Не все получают строки...»	43
«Пишу для себя. Для кого же...»	44
«Полдень понедельника, смена декораций...»	45
«Справа стопка книжек, слева тоже стопка...»	46
«И грубо подчёркнуты губы...»	47
«Я Лит не закончил, хватило ума...»	48
«поток сознания у Джойса...»	49
«Зима приходит обычно ночью...»	50
«Москва предновогодняя...»	51
«Стихи не пишутся – случаются...»	52
«Брахмапутра – гиблая река...»	53
Кладоискатель	54
Кюхля	56
«Меня удивляли немногие...»	57
«Что делать, если делать нечего?..»	58
«Шум ливня и бури бряцанье...»	59
«Без корабля и без компаса...»	60
«Когда тоскую по стихам...»	61
«Я читаю “Дон Кихота”...»	62
«Снискал он славу...»	63
«Мне надо быть сегодня там...»	64
«покуда в орошаемой долине...»	65
«Мы вечно Бога отдаляем...»	66
«Была ли женщина Шекспиром?..»	67
«Как город глотает задворки...»	68
«Ты говоришь по-итальянски...»	69
«Записаться в спортзал и уйти на неделю в запой...»	70

Личный архив

«Я забываю многое...»	73
«Сигареты, пиво, FIFA-17...»	74
«Скучно играть в плейстейшн...»	75
«Покурю под окном кабинета...»	76
«Грохочет ливень по карнизу...»	77

«Хорошо танцует Тимберлейк...»	78
«Повторял без умолку: “Я – не я”...»	79
«И о погоде – падал мокрый снег...»	80
«Мы с отцом пошли покупать манки...»	81
«Я тоже сторожем работал...»	82
«Гигабайты событий, слова и слова...»	83
«Я был пионером, но не был...»	84
«Я пьян, прости меня, ни строчки...»	85
«Сквозь асфальт, решётку сквозь...»	86
«Был вечер пасмурный, носило...»	87
«Так и хочется броситься в снег...»	88
«Заведение “Пилзнер”...»	89
«На пороге зима...»	90
«Снова осень, что тут скажешь...»	91
«Не одному тебе не спится...»	92
«Каждый день по строчке или...»	93
«Отец любил крыжовник...»	94
«Февраля двадцать четвёртое...»	95
«Мечта купить велосипед...»	96
«Сколько раз бежал на поезд...»	97
Бесплатное кино	98
«Стою с пластмассовым наганом...»	100
«похвастаться могу не изменил ни разу...»	101
«Мне снилось, что я вернулся...»	102
«На рисунке моём...»	103
«В Первомай кружился снег...»	104
«постучу костяшками пальцев в грудь...»	105
«я купил билет на последний то есть...»	106
«До сих пор не разряжена ёлка...»	107
«фотографию помню где солнце лицо...»	108
«Птица в клетке заставляет...»	109
«Есть у меня еженедельник...»	110
«На даче нужно ставить новый...»	111
«Уже свечерело, а снег всё лежит...»	112

Игорь Куницын. Макадам

возрастная категория 16+

редактор:
Александр Переверзин

дизайн:
Антон Чёрный

корректор, технический редактор:
Ольга Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 30.08.2019
Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 7,25.
Тираж 300 экз.

ISBN 978-5-6042671-8-9

9 785604 267189

Игорь Куницын родился в 1976 году Печоре, вырос в Архангельске. Окончил Архангельскую медицинскую академию, учился в Литературном институте. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «День и ночь», «Интерпоэзия», «Новая юность», «Крещатик», «Кольцо А», «Дети Ра» и других, антологиях «Русская поэзия XXI век», «Поэтический атлас России». Автор книг «Некалендарная зима» (2009), «Портсигар» (2016). Работает врачом, живёт в Домодедове.

ISBN 978-5-6042671-8-9

9 785604 267189